Андрей РАНЧИН

Михаил Салтыков-Щедрин: сатирик на государственной службе

Место Михаила Салтыкова (псевдоним – Николай Щедрин) среди русских писателей по-своему уникально: непреклонный и жесткий критик современной ему системы власти и методов управления, признанный в советское время «обличителем царизма», на протяжении двадцати четырех лет своей жизни он состоял на государственной службе, занимая весьма высокие должности. Как заметил В.В. Розанов, Салтыков-Щедрин, автор очерков «Господа ташкентцы», просто проклял российскую «администрацию» [Розанов, 1990 б. С. 447]. Следует лишь добавить – не только в этом сочинении. В книге «Уединенное» Розанов неприязненно высказался о знаменитом писателе, совмещавшем сатиру на российскую систему власти и практику управления с государственной службой: «Этот ругающийся вице-губернатор — отвратительное явление. <...> Позволю себе немного поинквизиторствовать: ведь не пошел же юноша Щедрин по судебному ведомству, в мировые посредники, не пошел в учителя гимназии, а, как Чичиков или Собакевич, выбрал себе «стул, который не проваливается» — министерство внутренних дел. И дослужился, то есть его все «повышали», до вице-губернатора: должность не маленькая» [Розанов, 1990 а. С. 465].

Чем же можно объяснить такое «раздвоение личности»? Материальной необходимостью, невозможностью прожить без жалованья? Стремлением личной административной деятельностью повлиять на ситуацию в России? И было ли у Салтыкова в действительности это острое противоречие между позицией писателя и государственной службой? Насколько радикальными являлись его социально-политические воззрения?

Салтыков был выходцем из старого боярского рода, ответвившегося от рода Морозовых, ведших свое происхождение с XIII века — от Миши Прушанина [Родословная книга, 1787. Ч. 1. С. 261; Ч. 2. С. 373, 415]. В автобиографическом письме библиографу С.А. Венгерову от 28 апреля 1887 года он указал: «Род мой старинный», но признался: «историей его я никогда не занимался» [Салтыков-Щедрин, 1965—1977. Т. 17. С. 471]. Государственная служба родителями потомственного дворянина — будущего сатирика рассматривалась естественным и непреложным образом как непременная обязанность, как нечто само собой разумеющееся. Не случайно он получил образование в сословных учебных заведениях – сначала в московском Дворянском институте (август 1836 — апрель 1838 года), затем в Царскосельском (с 1844 года – Александровском) лицее (август 1838 — май 1844 года). Лицей, в котором некогда учился А.С. Пушкин, в то время относился к военному ведомству и готовил для него администраторов. И по окончании лицея, в августе 1844 года, Салтыков поступил на службу в канцелярию Военного министерства в чине коллежского секретаря – чине X класса по Табели о рангах, равном воинскому званию штабс-капитана. Выпускники лицея приобретали право на поступление в службу с этим чином, отлично сдавшие экзамены получали более высокий чин IX класса (титулярный советник), но будущий автор «Истории одного города» выказал отличные успехи лишь по трем предметам [Тюнькин, 1989. С. 77].

Первые же впечатления Салтыкова – сотрудника канцелярии были безотрадными; к чиновничьей службе его душа расположена не была. Он и позднее не нашел в этой деятельности ничего привлекательного или хотя бы значительного: «<...>Помню, что мне часто приходилось писать к некоему Григорию Кузьмичу... Но вдруг меня осенила мысль: какое мне дело до Григория Кузьмича? <...> Мне показалось, что я не для того создан,

Андрей Ранчин, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет). E-mail: aranchin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается соотношение служебной деятельности и литературного творчества выдающегося русского сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Его политическая позиция была достаточно умеренной, он считал, что ответственный, принципиальный и совестливый человек способен принести пользу обществу. Демонстрируется, что государственная служба и социально-политическая сатира на российскую систему управления не противоречили друг другу.

Ключевые слова: государственная служба, писатель на государственной службе, сатира.

Дом, в котором жил и умер М.Е. Салтыков-Щедрин.

чтобы всю жизнь переливать из пустого в порожнее и думать только о том, чтобы обставить дело приличными формами, не заботясь о существе его <...>» [Салтыков-Щедрин, 1965—1977. Т. 4. С. 191—192].

В процитированном отрывке едва ли не впервые в русской литературе выражен мотив отчуждения чиновника как человека от своей деятельности – до Салтыкова-Щедрина этот мотив был лишь намечен в произведениях Н.В. Гоголя и князя В.Ф. Одоевского.

Столичная служебная карьера Салтыкова неожиданно оборвалась весной 1848 года: его только что напечатанная повесть «Запутанное дело», описывающая в традициях Н.В. Гоголя и молодого Ф.М. Достоевского горькую судьбу «маленького человека», мелкого чиновника Ивана Самойлыча Мичулина, стала предметом пристального внимания со стороны III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и Комитета для рассмотрения действий цензуры периодических изданий под председательством князя А.С. Меншикова. В повести была усмотрена мысль, что «богатство и почести – в руках людей недостойных, которых следует убить всех до одного», а император Николай I нашел в ней «вредное направление и стремление к распространению революционных идей, потрясших уже всю Западную Европу» [Макашин, 1951. С. 277, 288]. В действительности, мысль об истреблении алчных хозяев жизни вложена в уста эпизодической героини – обездоленной женщины, вынужденной продавать себя, чтобы прокормить мужа и ребенка; а посетители социалистического кружка М.В. Петрашевского-Буташевича Н.А. Спешнев и А.Н. Плещеев представлены как безответственные пустословы, бесчувственные к страданиям простых людей [Петров, 2007. С. 467]. 22 апреля 1848 года автор повести, к этому времени уже получивший следующий чин по Табели о рангах (титулярный советник), был арестован, а 28 апреля его выслали на службу в Вятку, куда он и прибыл 7 мая. Ссыльный был определен в ведомство вице-губернатора (в Губернское правление). К службе он официально приступил в середине июля [Тюнькин, 1989. С. 120].

Впечатления новоприбывшего чиновника от места ссылки и службы были безрадостными: вынужденное переселение в Вятку писатель воспринял как абсолютную катастрофу, как остановку в духовном развитии и как конец в продвижении по службе: «Въезжая в этот город, вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и переваривать ваши воспоминания» [Салтыков-Щедрин, 1965—1977. Т. 2. С. 7].

Угнетали служебная рутина, общение с нечистыми на руку сослуживцами, однообразие провинциальной жизни и невзыскательность интересов обывателей и их быта. Император оставлял прошения о переводе в Петербург без внимания. Нежелание Николая I возвращать Салтыкова из ссылки объяснялось, помимо всего прочего, установленной причастностью его к деятельности социалистического кружка М.В. Буташевича-Петрашевского, который автор «Губернских очерков», интересовавшийся идеями А.-К. де Рувруа, Сен-Симона и Ш. Фурье, посещал в 1845—1867 годах; по этому делу его допрашивали в Вятке в сентябре 1849 года. Проведя в вятской глуши почти три года, Салтыков признавался брату Дмитрию: «гибну среди нелепых бумаг Губернского правления и подлейшего бостона (карточная игра. — *А.Р.*)» [Салтыков-Щедрин, 1965—1977. Т. 18, кн. 1. С. 74]. Вместе с тем в другом письме брату (от 19 февраля 1851 года) он признавался не без гордости: «...я службу свою считаю далеко не бесполезною в той сфере, в которой я действую, хотя уже по одному тому, что я служу честно» [Салтыков-Щедрин, 1965—1977. Т. 18. кн. 1. С. 80].

Действительно, Салтыков, высоко оцененный за свои деловые качества, энергию, принципиальность и образованность губернатором А.И. Середой и назначенный летом 1850 года советником Вятского губернского правления, ездил по губернии с ревизиями, составлял годовые отчеты, подготовил Вятскую сельскохозяйственную выставку, вел следствие о раскольниках в Вятской и прилегающих губерниях – Пермской, Казанской, Нижегородской и Ярославской. Дело о раскольниках было начато 13 октября 1854 года по секретному рапорту сарапульского городничего штабс-капитана фон Дрейера (в «Губернских очерках» он выведен под фамилией Фейер): градоначальник задержал беглого крепостного, уральского мастерового Анания Ситникова (он же инок Анатолий), оказавшегося влиятельным учителем в старообрядческой среде. Расследование было поручено Салтыкову, который приступил к нему с большим рвением, отправляя порой по три рапорта в день [Иванов-Разумник, 1930. С. 96–109; с. 139–140]. По характеристике Р.В. Иванова (Иванова-Разумника), он «арестовывал, допрашивал и вообще вел себя, как ревностному и желающему выслужиться чиновнику действовать надлежит» [Иванов-Разумник, 1930. С. 107—108]. Его действия, предлагающие, в частности, разорение труднодоступных отдаленных старообрядческих скитов, объясняются, по-видимому, не только

желанием снискать одобрение у начальства и благодаря этому, наконец, вырваться из опостылевшей провинции, но и «просветительским», прогрессистским и рационалистическим восприятием раскола как деструктивного явления, основанного на фанатизме и невежестве. О «противообщественных стремлениях» раскола Салтыков писал в незаконченной статье-рецензии «Сказание о странствии и путешествии <...> инока Парфения» (1857 год), которую заканчивал таким выводом о «невозможности применения начал древней русской жизни к будущему развитию нашего молодого, но крепкого, исполненного жизни общества. <...> Раскол служит тому самым убедительным и наглядным доказательством. <...> И в этом явлении видим мы уже несомненные признаки разложения, которые явно свидетельствуют о его несостоятельности и предсказывают ему скорый и неизбежный конец» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 5. С. 68]. Так что энергичная полицейско-следовательская деятельность могла проистекать и из вполне искренних побуждений.

Представление А.И. Середы о присуждении Салтыкову чина коллежского асессора (чин VIII класса по Табели о рангах, приравненный к воинскому званию майора) удовлетворено не было. В коллежские асессоры он был произведен лишь в апреле 1852 года, уже при новом губернаторе, Н.Н. Семенове.

Только в ноябре 1855 года он получил разрешение «проживать и служить где пожелает» [Макашин, 1951. С. 470]. Изменению его положения помогли просьбы генерал-адъютанта П.П. Ланского и его супруги Н.Н. Ланской (в первом браке жены А.С. Пушкина), познакомившихся с ним в Вятке. Родственник П.П. Ланского С.С. Ланской, возглавивший Министерство внутренних дел, склонился к этим ходатайствам. В январе 1856 года Салтыков вернулся в столицу и был причислен к Министерству внутренних дел как чиновник для особых поручений. В том же 1856 году он был произведен в чин VI класса с годовым жалованьем в 1200 рублей.

По поручению министра внутренних дел он объездил Тверскую и Владимирскую губернии, собирая сведения о деятельности губернских комитетов ополчения, созданных в связи с Крымской войной. Также министр поручил ему проанализировать причины неудовлетворительного состояния земской полиции (местной административно-полицейской власти) – и Салтыков составил записку («Записка об устройстве градских и земских полиций»), в которой предлагал образовать земскую полиции как инструмент правопорядка, напрямую не подчиненный власти; он выступил за выборность как принцип комплектования земской полиции [Тюнькин, 1989. С. 254]. Он, приобретший огромный опыт как администратор за годы вятской ссылки, отстаивал увеличение роли общества, призывал поддерживать и охранять «общественную самобытность» и от бюрократического произвола, и от законодательно предписанного тотального контроля и стеснения со стороны государства. В качестве примера административного произвола автор записки приводил поступки следователей, смело зачисляя в этот ряд и свои следственные действия по делам раскольников.

В марте 1858 года Салтыков был назначен рязанским вице-губернатором и вступил в должность 15 апреля 1858 года. Свою задачу он определил так: «Я не дам в обиду мужика!» [Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников, 1975. Т. 1. С. 121]. Возглавив канцелярию губернии (Губернское правление), на этом посту он показал себя как необычайно работоспособный и требовательный администратор. «Я живу здесь не как свободный человек, а в полном смысле слова, как каторжник, работая ежедневно, не исключая и праздничных дней, не менее 12 часов, — писал он брату Дмитрию 20 июня 1858 года и сетовал: — Подобного запущения и запустения я никогда не предполагал, хотя был приготовлен ко многому нехорошему; уж одно то, что в месячной ведомости показывается до 2 тыс. бумаг неисполненных, достаточно покажет тебе, в каком положении находится здешнее Губернское правление» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 18. Кн. 1. С. 196–197].

Высказывания в его письмах не были рисовкой. Новый вице-губернатор строго преследовал взяточников и увольнял уличенных в недобросовестности и неисполнительности чиновников. Он провел тщательную ревизию документации, начал расследование о преступлениях местных помещиков. Это было дело о жестоком обращении с крепостными помещицы Кислинской, доведшей двух крепостных подростков до попытки самоубийства (оба попытались зарезаться ножом, один погиб, другой выжил), — позднее оно легло в основу щедринского рассказа «Миша и Ваня. Забытая история» (1862 год); завел дело на местных помещиков, обманно лишивших своих крестьян земель и имущества и отдавших по контракту купцам Хлудовым. Также Салтыков был занят редактированием официальной газеты – «Рязанских губернских ведомостей». Как аттестовал вице-губернатора в своем донесении жандармский подполковник Симановский (2 января 1861 года), Салтыков «сведущ, деятелен, бескорыстен, требователен относительно сотрудников, взыскателен относительно подчиненных; этими качествами приобрел особенное доверие и внимание начальника губернии <...> Взыскательность его и особо бдительный надзор за правильною деятельностью и служебной нравственностью чиновников выразились значительно большим против прежних лет числом лиц, отданных в 1860 году под уголовный суд. <...> Впечатление же, произведенное этими распоряжениями на служащих в уездах, весьма натурально, не в пользу г. Салтыкова. Он искренно желает уничтожения крепостного права и деятельно преследует злоупотребления оного <...>» [Иванов-Разумник, 1930. С. 159].

Отношение подчиненных к человеческим качествам вице-губернатора было неоднозначным. С одной стороны, ряд мемуаристов свидетельствуют о его доброте и отзывчивости; с другой – один из его подчиненных

Ф.Т. Смирнов напечатал в газете «Московские ведомости» статью, в которой содержались недвусмысленные аллюзии на Салтыкова, представленного исполненным высокомерия и черствости: «Если начальник не всегда имеет средство облегчить для бедного чиновника тяжелую ношу материальных нужд, по крайней мере, он не должен давить его своим величием», должен подать бедному чиновнику «свою благородную руку и приветствовать без педантизма мягким словом, как человек человека, не осматривая его с головы до пят в какое-нибудь глупое стеклышко, нагло уставленное в упор сконфуженному подчиненному» (прозрачный намек на монокль, который носил Салтыков). Автор обращал к администраторам вопрос: «Думали ли вы когда-нибудь о влиянии нужды и бедности на нравственность и служебный характер презираемых вами людей?..» [Сбоев, 1858].

Обе точки зрения, по-видимому, отражают реальность, сложную натуру Салтыкова; показательно, однако, что, узнав, кто является автором статьи, он пришел к Ф.Т. Смирнову домой, поблагодарил за прямоту и полезную правду и помог в назначении на более соответствующую его склонностям должность [Тюнькин, 1989. С. 282].

Снискавший у многочисленных врагов прозвище «вице-робеспьера» как «красный», Салтыков был вынужден просить о переводе в другую губернию из-за конфликта с новоназначенным начальником Рязанской губернии Н.Н. Муравьевым, которого писатель аттестовал как деспота и подлеца. 3 апреля 1860 года он был назначен вице-губернатором в Тверь, где и вступил в должность 25 июня.

Месяцы между отъездом из Рязани и приездом в Тверь он провел в столице, где участвовал в работе комиссии Н.А. Милютина по подготовке законодательства об отмене крепостного права. Салтыков накануне крестьянской реформы искал способы примирить интересы помещиков и крестьян, о чем свидетельствует написанная им «Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 5. С. 69–83], не опубликованная по причине запрета на печатное обсуждение готовящейся реформы. Автор заметки, в целом принимая основные положения будущей реформы, утверждал, что помещики на переходный период (до выкупа крестьянами своих наделов) должны быть лишены личной и полицейской власти над бывшими крепостными.

Служба на новом месте Салтыкову сначала очень понравилась, симпатичным показался тверской губернатор граф П.Т. Баранов, 20 июля 1860 года он сообщил брату Дмитрию: «Служба также идет хорошо, и с Барановым я покамест в большой приязни» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 18. Кн. 1. С. 229]. Решительно взявшись за дела, он провел инспекцию уездных городов: побывал в Калязине, Кашине, Корчеве, начал редактировать «Тверские губернские ведомости». Однако свое мнение о Баранове и о службе в Твери новый вице-губернатор вскоре переменил. По должности он был вынужден разбираться в делах о крестьянских «возмущениях». Одним из них было расследование волнений в имении генерал-адъютанта Н.В. Зиновьева. Крестьяне, просившие всего лишь о смене управляющего – бурмистра, были незаконно – до утверждения приговора Губернским правлением – подвергнуты телесному наказанию, причем жандармский офицер, производивший экзекуцию, крестьян избивал. Об отвратительном отношении Зиновьева к своим крепостным и о страшных обстоятельствах расправы с «бунтовщиками» стало известно из записки зиновьевского соседа, либерально настроенного помещика А.Н. Неведомского. Салтыков не преминул выступить в защиту крестьян. Публично выражал он негодование и в связи с «Арнаутовским погромом» (выражение из письма Е.И. Якушкину от 7 июня 1861 года [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 18. Кн. 1. С. 244]). Крестьяне угличского уездного предводителя дворянства Арнаутова, притесняемые барином, отказались после объявления воли манифестом от 19 февраля 1861 года от исполнения полевых работ и внесения оброка в прежних размерах (по закону до оформления новых отношений с помещиком, а затем до перехода на выкуп они должны были исполнять барщину и платить оброк помещику). Крестьяне покорились только после ввода войск в некоторые деревни и порки зачинщиков.

Ярым сторонником решительных действий против крестьян, видевшим во всех, даже мирных волнениях искры беспощадного бунта, был управляющий Тверской палатой государственных имуществ В.Г. Коробьин. Салтыков неприязненно отозвался о нем в письме Е.И. Якушкину от 7 июня 1861 года, жалуясь на безволие губернатора, напуганного угрозой бунтов: «Крестьянское дело идет в Тверской губернии <...> плохо <...>. В течение мая месяца было шесть экзекуций; в одной выпороли 17 человек, в другой троих, в третьей двоих; в трех случаях солдатики постояли-постояли и ушли. <...> Гр. Баранов, очевидно, действует таким образом по слабости рассудка; им совершенно овладел Коробьин, который рассвирепел ужасно и с которым, вследствие сего, я перестал кланяться. <...> ...Баранов встречается со мною и краснеет; краснеет и посылает команды» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 19. С. 244].

Салтыков поддержал идеи, высказанные в декабре 1861 года на съезде мировых посредников Тверской губернии (сам он, разрешивший этот съезд, с 10 ноября 1861 по 11 января 1862 года исполнял обязанности тверского губернатора). Мысль об «устройстве периодических съездов всех посредников одной губернии в губернском городе, но не только для взаимного обмена мыслей и разъяснения общим советом частных вопросов и недоразумений, возникших в той или другой местности, но и для представления подробного отчета о всех действиях каждого посредника по вверенному ему участку» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 5. С. 106] он выразил в статье «Об ответственности мировых посредников» (1861 год). Он вместе с другими либерально

настроенными тверскими дворянами подписал коллективное письмо, в котором содержалось пожелание, чтобы учреждения, проводящие крестьянскую реформу, должны «развитием самостоятельности и сознания права в крестьянах положить прочное основание нашему соединению со всеми сословиями в ту плотную, однородную массу, для которой есть будущее» [Тюнькин, 1989. С. 320]. Либеральная идея единения сословий и, в перспективе, уничтожения сословных различий была созвучна соображениям, которые Салтыков сформулировал в статье «Где истинные интересы дворянства?» (1861 год): «<...> Какими бы привилегиями ни было ограждено известное сословие, какими бы правами оно ни пользовалось, действительная сила государства все-таки лежит в земстве. Там источник его материального могущества и благосостояния, там же залоги и дальнейшего его политического и умственного развития. Оторваться от всего этого значило бы оторваться от общей жизни государства, значило бы стать в класс бобылей» [Салтыков-Щедрин, 1965—1977. Т. 5. С. 130]. Позднее, 1-3 февраля 1862 года, Салтыков, уже подавший прошение об отставке и находившийся в отпуске, принял участие в заседаниях тверского Чрезвычайного дворянского собрания, призвавшего к отмене дворянских сословных привилегий и к отказу от самой системы сословий.

Общественная позиция, занятая в это время Салтыковым, существенно расходилась с официальной, значительно более консервативной. Это обстоятельство, равно как и ощущение невозможности неукоснительно следовать на государственной службе своим принципам, побудили его к отставке. 20 января 1862 года (в то время он уже состоял в чине статского советника – чине V класса по Табели о рангах, почти равном генеральскому) было подано на имя Баранова прошение с просьбой об увольнении «по домашним обстоятельствам и крайне расстроенному здоровью» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 18. Кн. 1. С. 253].

Вновь поступил на службу Салтыков только 6 ноября 1864 года, когда был назначен председателем пензенской Казенной палаты (в должность он вступил 14 января 1865 года). Возвращение на государственную службу объяснялось отчасти финансовыми трудностями в его семье (в ноябре 1864 года, после нового назначения, из-за конфликта с радикально настроенными членами редакции «Современника» он покинул журнал, уход готовился заранее), отчасти – неистребимым, несмотря на собственный горький опыт, желанием приносить пользу обществу. Выбор же как места службы ведомства, отвечающего за финансовый контроль «на местах», объяснялся невозможностью служить под началом нового консервативного министра внутренних дел графа П.А. Валуёва. Кроме того, как справедливо считает К.И. Тюнькин, «для Салтыкова — с его жадным и активным интересом к перипетиям реальной действительности, к тому, что происходило в гуще народной жизни, — могло иметь немаловажное значение и то об-

В музее М.Е. Салтыкова-Щедрина.

стоятельство, что учреждения министерства финансов, в том числе губернские казенные палаты, принимали непосредственное участие в проведении выкупной операции» [Тюнькин, 1989. С. 378].

Как председатель пензенской Казенной палаты, вскоре он оказался во враждебных отношениях с большинством членов другого учреждения — Губернского по крестьянским делам присутствия. Выступая против выдачи выкупной ссуды одному из пензенских помещиков, он защищал интересы крестьян от покушавшихся на них дворян — бывших хозяев, требовал уплаты недоимок дворянами-неплательщиками. Одиннадцать раз он подавал министру финансов М.Х. Рейтерну записки со своим особым мнением, причем министр распорядился тщательно рассматривать все дела, по которым высказывался Салтыков [Макашин, 1984. С. 197—200]. В результате 2 ноября 1866 года он получил новое назначение – стал управляющим тульской Казенной палаты. Однако прослужил здесь меньше года: тульский губернатор генерал-майор М.Р. Шидловский взбесил Салтыкова постоянной присылкой своих чиновников в Казенную палату с безосновательными требованиями выдать разнообразные справки, особенно по недоимкам. Управляющий Казенной палатой жаловался министру финансов на «беспрерывное вмешательство в дела палаты, по предметам большею частию весьма не важным и не требующим особенной спешности» (письмо М.Х. Рейтерну от 11 апреля 1867 года [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 18. Кн. 1. С. 310]). 11 июля того же года он сетовал в одном из писем: «<...> ленюсь и скучаю безмерно и даже не могу преодолеть себя, потому что палатская служба опротивела до тошноты» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 18. Кн. 1. С. 314].

13 октября 1867 года после нескольких столкновений с Шидловским (Салтыков-Щедрин даже написал на него памфлет под названием «Фаршированная голова», в котором вывел своего недоброжелателя деспотом, способным только на возглас «Не потерплю!») он был переведен управляющим Казенной палатой в Рязань. Шидловский обратился с просьбой об удалении строптивого чиновника к Александру II через главноуправляющего III отделением и шефа жандармов графа П.А. Шувалова.

Иллюстрация С. Алимова к произведениям М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В Рязани Салтыков прослужил до 14 июня 1868 года и вступил в очередной конфликт — на сей раз с рязанским гражданским губернатором Н.А. Болдаревым. Болдарев извещал о неблагонамеренности и «крайнем либерализме» Салтыкова III отделение. Писатель-администратор не остался в долгу, припечатав своих недругов в цикле статей «Письма о провинции» (первые три письма, написанные в Рязани, опубликованы в 1868 году), где утверждалось, что в провинции у власти часто пребывают люди, не способные понять «существенный смысл реформы 19 февраля» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 7. С. 211], и что «люди <...> всецело преданные делу, верящие в его будущность, очень часто не только отстраняются от всякого влияния на правильный исход его, но даже <...> обзываются коммунистами, нигилистами, революционерами и демагогами» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 7. С. 210–211]. В конце апреля 1868 года Салтыков писал Некрасову: «Во всей Рязани едва ли два-три человека найдется, которые смотрят на меня не враждебно» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 18. Кн. 1. С. 335].

В III отделении его начальником графом П.А. Шуваловым был составлен убийственный отзыв о Салтыкове-администраторе: «<...> Нигде не пользовался сочувствием и расположением общества и действия его, хотя во многих случаях похвальные в служебном отношении, подвергались часто осуждению, точно так, как поведение и личные качества его всегда более или менее вредили его частным отношениям <...> Я полагал бы необходимым удаление его из Рязани с тем, чтобы ему вовсе не была предоставлена должность в губерниях <...>» [Тюнькин, 1989. С. 405–406]. 14 июня Салтыков был вынужден подать в отставку. Она оказалась окончательной: нового назначения он теперь не получил. Ходили слухи, что решение более не допускать сатирика до государственной службы принимал лично император Александр II [Иванов-Разумник, 1930. С. 375].

Государственная служба Салтыкова может быть оценена неоднозначно. С одной стороны, он проявил себя как необычайно работоспособный, думающий и принципиальный администратор. С другой — «был крайне груб с подчиненными и не соблюдал субординации по отношению к губернаторам» [Петров, 2007. С. 471]. Не случайно, по-видимому, именно Салтыкова имел в виду И.С. Тургенев в «Отцах и детях», когда писал о «губернаторе из молодых, прогрессисте и деспоте, как это сплошь да рядом случается на Руси»; этот губернатор «в течение первого года своего управления, успел перессориться не только с губернским предводителем, <...> но и с собственными чиновниками» [Тургенев, 1981. С. 57].

Крупный чиновник М.П. Соловьев заметил, что «с появлением каждой новой вещи Щедрина валился целый угол старой жизни. <...> Явление, за которое он брался, не могло выжить после его удара» [Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников, 1975. Т. 1. С. 16–17], а славянофил И.С. Аксаков называл писателя «своего рода бичом божьим на Петербургский период русской истории, петербургскую бюрократию» [Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников, 1975. Т. 1. С. 308]. Совмещение сатиры на бюрократическую систему управления современной Россией с принадлежностью к верхним слоям этой системы уже современники писателя нередко мыслили как свидетельство лицемерия и неискренности Салтыкова-Щедрина – литератора. Например, злое замечание В.А. Зайцева, противопоставившего щедринской сатире «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, написанные «собственной кровью, а не чернилами с вице-губернаторского стола» [Зайцев, 1863. С. 17].

Представление об удивительном диссонансе между жизнью и творчеством Салтыкова-Щедрина кажется особенно резким, если трактовать его сочинения как исполненные революционного пафоса, слегка прикрытого аллегориями эзопова языка. Такая трактовка идейной позиции писателя была практически единодушной в исследованиях советского периода. Между тем реальность оказывается несоизмеримо более сложной. Социально-политические взгляды Салтыкова отличаются эклектичностью, сочетанием умеренности и радикализма, к тому же многие его высказывания явно продиктованы соображениями ad hoc и не могут быть осмыслены вне конкретного историко-политического контекста, вне связи с адресатами и так далее. Писатель, в 1857–1858 годах ведший беседы с Н.Г. Чернышевским о необходимости утверждения монархии, ограниченной демократическими институтами [Макашин, 1972. С. 170–174], и в дальнейшем не отказывался от идеи сотрудничества с властью на благо общества, а его нравственным ориентиром была не революционная деятельность, а «гражданская аскеза» [Петров, 2007. С. 469–470].

Вместе с тем сатирик жестоко осмеял «теорию малых дел» в сказке «Вяленая вобла» (1884 год) и саркастически представил либеральные надежды и чаяния в сказке «Карась-идеалист» (1884 год). А расправу крестьян с аллегорическими персонажами, воплощающими полицейскую и административную власть, — Топтыгиными 2-м и 3-м — писатель представил как закономерное и справедливое возмездие (сказка «Медведь на воеводстве»). Представители власти в произведениях Салтыкова-Щедрина предстают или никчемными паразитами («Повесть о том, как один мужик двух гене-

ралов прокормил», 1869 год), или деспотами. Деспоты либо с иррациональным садизмом мучают и изводят на корню народ, относясь к мирным обывателям как к врагам (большинство градоначальников в «Истории одного города»), либо реализуют чудовищные проекты тотального регулирования контроля всех и вся (Угрюм-Бурчеев в «Истории одного города»). Все предприятия Угрюм-Бурчеева отсылают именно к гиперболизированно и гротескно преломленным примерам административной практики (граф А.А. Аракчеев и организация военных поселений и так далее, вне России – проект тюрьмы «Паноптикон» И. Бентама), а отнюдь не к революционным тоталитарным проектам (прежде всего, к роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?»), как считает С.А. Никольский [Никольский, 2012. С. 273–277]. Во-первых, идеи Н.Г. Чернышевского и других левых радикалов носили прогрессистский характер, а деяния Угрюм-Бурчеева ультраконсервативные – это попытка остановить самый ход истории и жизни. Во-вторых, Салтыков-Щедрин и в юности, и в зрелые годы не был чужд симпатий к социалистическим проектам, в том числе весьма радикальным [Петров, 2007. С. 470–471]. Лучшими администраторами в «Истории одного города» оказываются градоначальники Микаладзе и Прыщ, вообще никак не вмешивающиеся в жизнь вверенного им населения, причем у второго из них, как выясняется, оказывается фаршированная голова, что нисколько не мешает состоять в должности. Бездеятельность, высмеиваемая в «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил», оказывается благотворным свойством и в сатирическом цикле «Помпадуры и помпадурши» (1863–1864 года): это образ «простодушного помпадура» — губернатора.

Основной предмет сатиры Салтыкова-Щедрина – административное безумие, не считающееся с действительностью и ставящее ее на дыбы. При этом ретивые и невменяемые администраторы, как например, Феденька Кротиков из «Помпадуров и помпадурш», способны с одинаковым увлечением реализовывать и «консервативную», и «либеральную» программы. Как заметил С.А. Никольский, в его произведениях «управляемость впервые анализируется как тотальность, как процесс, который охватывает все стороны не только деятельности, но самой жизни – всех сфер существования человека, вплоть до распоряжения его пребыванием на земле» [Никольский, 2012. С. 315–316].

Невменяемости власти соприродна невменяемость «опекаемых» ею людей: обыватели легко отрекаются от собственной свободы, как головотяпы-глуповцы («История одного города»), и обнаруживают полнейшее отсутствие самосознания, как мещанин, расспрошенный «помпадуром» – губернатором Дмитрием Павловичем Козелковым («Помпадуры и помпадурши»). Мужик с раболепной готовностью подчиняется генералам и даже вьет веревку, которой его должны привязать («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил») [Ранчин, 2013]. Столь же абсурдна в изображении писателя «деятельность» общественных партий – «консерваторов» и «красных», сама оппозиция консерваторы – либералы оказывается выморочной: «Консерваторы говорят: шествуй вперед, но по временам мужайся и отдыхай! Красные возражают: отдыхай, но по временам мужайся и шествуй вперед!» («Помпадуры и помпадурши») [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 8. С. 83].

Коренными изъянами и самосознания, и российской общественной жизни, и практики управления оказываются непрофессионализм, отсутствие чувства собственного достоинства и инициативы в сочетании с особого рода «талантливостью» – готовностью все совершить по приказу сверху: «И посмотрите, с какою легкостью выступают эти люди вперед! <...> И чем больше предвкушение торжества, тем больше малодушия, ненависти и подозрительности при первом неуспехе. Эта последняя черта очень опасна, потому что почва бунтов и измены, на которую вступает потерпевшая неудачу талантливость, есть единственная, доступная ее уровню. <...> А что же, кроме обузданий, произвела на свет наша талантливость за все время ее векового и притом вполне беспрепятственного существования?» (цикл сатирических очерков «Господа ташкентцы») [Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 10. С. 13].

Тотальный характер щедринской сатиры может быть объяснен не столько социально-политическими взглядами писателя, сколько самими особенностями сатирического дискурса: автор изображает абсурдный, противоестественный и изнаночный мир («злую сказку»), лишь в определенных точках соприкасающийся с современной ему реальностью. В его сатире нет места ни подлинно либеральным общественным деятелям (а с ними ведь бывал единодушен Салтыков-чиновник), ни честным и образованным губернаторам (а их автор «Истории одного города» встречал – это и начальник Вятской губернии А.И. Середа, и ярославский гражданский и военный губернатор князь В.А. Оболенский). Единственным возможным противоядием и административному безумию, и бессознательности и безволию общества, и ненасытной и неуемной алчности чиновников-паразитов – «помпадуров» и «ташкентцев» в художественном мире писателя оказывается совесть отдельного человека. Совесть Иудушки Головлева, приведшая его к позднему предсмертному покаянию (роман «Господа Головлевы»). Совесть, вложенная в сердце маленькому дитяти: «Растет маленькое дитя, а вместе с ним растет в нем и совесть. И будет маленькое дитя большим человеком, и будет в нем большая совесть. И исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама» (сказка «Пропала совесть»)

Никакого радикального противоречия, разрыва между государственной службой и литературным трудом у Салтыкова-Щедрина не было. Следовать велению совести, исполняя честно свое дело, пытались и Салтыков-чиновник, и Щедрин-писатель.

Литература

Зайцев В.А. Перлы и адаманты нашей журналистики // Русское слово. 1863. № 4.

Иванов-Разумник. М.Е. Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. Ч. 1. 1826-1868. М.: Федерация, 1930.

Макашин С.А. Салтыков-Щедрин: Биография. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1951.

Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов. Биография. М.: Художественная литература, 1972.

Макашин С.А. Салтыков-Щедрин: середина пути, 1850-е – 1870-е годы. М.: Художественная литература, 1984.

Никольский С.А. Русское мировоззрение. [Т. 3]. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2012.

Петров Г.В., при участии К.И. Тюнькина. Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2007.

Ранчин А. Как один Пятница двух Робинзонов прокормил: о литературных подтекстах «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Ранчин А. Перекличка Камен: Филологические этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Родословная книга князей и дворян российских. Ч. 1–2. М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1787.

Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет. М.: Искусство, 1990.

Розанов В.В. Сочинения. М.: Советская Россия, 1990.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977.

Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1975.

Сбоев Ф. [Смирнов Ф.Т.] Еще несколько слов о чиновниках // Московские ведомости. 12 апреля 1858.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 7. М.: Наука, 1981.

Тюнькин К.И. Салтыков-Щедрин. М.: Молодая гвардия, 1989.

MIKHAIL SALTYKOV-SHCHEDRIN: A SATIRIST IN THE PUBLIC SERVICE

Andrew Ranchin, Ph.D., Professor at the M.V. Lomonosov, Moscow State University (1st Building Humanities Department, Arts Faculty, Lenin Hills, GSP, Moscow, 119991). E-mail: aranchin@mail.ru.

Summary: The article considers the correlation between the state service and the literary creation of the outstanding Russian satirist Mikhail Saltykov-Shchedrin. The political position of Saltykov-Shchedrin has been quite moderate; he believed that the responsible, principled and conscientious person in the public service could benefit society. The article demonstrates that for him the state public service and satire on the Russian system of governance did not contradict each other.

Keywords: public service, a writer as a public servant, satire.

References

Zaitsev V.A. Perly i adamanty nashei zhurnalistiki [Adamant Pearls of our journalism]// Russkoe slovo. 1863. № 4.

Ivanov-Razumnik. M.E. Saltykov-Shchedrin: Zhizn' i tvorchestvo. Ch. 1. 1826-1868[Saltykov-Shchedrin: Life and Work. Part 1: 1826-1868]. M.: Federatsiia, 1930.

Makashin S.A. Saltykov-Shchedrin: Biografiia. T. 1[Saltykov-Shchedrin: A Biography. Volume 1]. M.: Goslitizdat, 1951.

Makashin S.A. Saltykov-Shchedrin na rubezhe 1850-1860-kh godov. Biografiia [Saltykov-Shchedrin at the turn of 1850-1860-ies. biography]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1972.

Makashin S.A. Saltykov-Shchedrin: seredina puti, 1850-e - 1870-e gody [Saltykov-Shchedrin: Midway, 1850s - 1870s]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1984.

Nikol'skii S.A. Russkoe mirovozzrenie. [T. 3]. «Novye liudi» kak ideia i iavlenie: opyt osmysleniia v otechestvennoi filosofii i klassicheskoi literature 40-60-kh godov XIX stoletiia [Russian outlook. [T. 3]. «The new people» as the idea of the phenomenon: the experience of thinking in Russian philosophical classical literature during the 40-60-ies of the XIX century]. M.: Progress-Traditsiia, 2012.

Petrov G.V., pri uchastii K.I. Tiun'kina. Saltykov-Shchedrin Mikhail Evgrafovich [Mikhail Saltykov-Shchedrin Evgrafovich] // Russkie pisateli: 1800-1917. Biograficheskii slovar'. T. 5. M.: Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia», 2007.

Ranchin A. Kak odin Piatnitsa dvukh Robinzonov prokormil: o literaturnykh podtekstakh «Povesti o tom, kak odin muzhik dvukh generalov prokormil» M.E. Saltykova-Shchedrina [As one of two castaway Friday's for Robinson to feed: the literary subtext of «The Story of how one man fed two generals» ME Saltykov-Shchedrin]// Ranchin A. Pereklichka Kamen: Filologicheskie etiudy. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.

Rodoslovnaia kniga kniazei i dvorian rossiiskikh. Ch. 1-2 [Ancestry book of Russian princes and noblemen . Ch 1-2]. M.: V Universitetskoi tipografii u N. Novikova, 1787.

Rozanov V.V. Nesovmestimye kontrasty zhitiia: Literaturno-esteticheskie raboty raznykh let [Incompatible contrasting lives: Literary and aesthetic works of different years]. M.: Iskusstvo, 1990.

Rozanov V.V. Sochineniia [Writings]. M.: Sovetskaia Rossiia, 1990.

Saltykov-Shchedrin M.E. Sobranie sochinenii: V 20 t [Works: In 20 volumes]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1965-1977.

Saltykov-Shchedrin v vospominaniiakh sovremennikov: V 2 t [Saltykov-Shchedrin in the memoirs of contemporaries: 2 v]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1975.

Sboev F. [Smirnov F.T.] Eshche neskol'ko slov o chinovnikakh [[Smirnov FT] A few words about officials] // Moskovskie vedomosti. 12 aprelia 1858.

Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. Sochineniia: V 12 t. Izd. 2-e, ispr. i dop. T. 7[Complete Works: In 30 volumes. Compositions: In 12 v. 2nd. Ed., rev. and add. T. 7]. M.: Nauka, 1981.

Tiun'kin K.I. Saltykov-Shchedrin [Saltykov-Shchedrin]. M.: Molodaia gvardiia, 1989.